

ЭЛЕМЕНТЫ
ТЕОРИИ РЕФЕРЕНЦИИ

Референция и проблема существования

Прежде чем говорить о логико-синтаксических отношениях, организующих структуру предложения, необходимо коснуться общих понятий теории референции.

Проблемы референции, т. е. отношения имени к объекту, им называемому, занимали ученых — философов, логиков и лингвистов — с очень давних времен. Можно ли выносить истинное суждение о несуществующем предмете — этот вопрос уже с древности сделал референцию проблемой логики и философии. Референтность субъекта (принцип предметности, опирающийся на предпосылку существования) составляет одно из условий истинностной оценки суждения. Если имя, представляющее субъект, не соотнесено ни с каким предметом действительности, то суждение вынесено не о чем; оно, следовательно, в принципе не может быть истинным (о парадоксе существования см. в гл. IV «Отношения экзистенции»).

В основе современной теории референции лежат идеи денотации Б. Рассела¹. Б. Рассел четко разграничил имена собственные и дескрипции. Имя представляет собой простой (полный) символ, способный выполнять только функцию субъекта суждения. Имя обозначает индивидуальные предметы и его значение столь же неповторимо. Оно может быть охарактеризовано как *individual* или *particular*. Имя, употребленное с целью идентификации объекта, всегда референтно, т. е. осуществляет по отношению

¹ *B. Russell. On denoting.* — В кн.: *B. Russell. Logic and knowledge.* London, 1956; *Он же. Introduction to mathematical philosophy.* 2-nd ed. London, 1920, гл. 16. Descriptions (цит. по кн.: «Semantics and the philosophy of language». Urbana, 1952).

к нему функцию субституции. Кроме имени собственного эту функцию выполняют денотативные выражения. Под денотативными (называющими) выражениями, или дескрипциями, Рассел имеет в виду имена нарицательные и именные словосочетания типа *человек, этот человек, каждый человек, любой человек, теперешний король Англии, нынешний король Франции, центр солнечной системы в первое мгновение XX века, вращение Земли вокруг Солнца, вращение Солнца вокруг Земли* и др. Такого рода выражения следует считать о б о з н а ч а ю щ и м и (именующими) в силу своей формы. Они могут называть один вполне определенный предмет. Ср. *теперешний король Англии*. В этом случае денотативные фразы являются о п р е д е л е н н ы м и (единичными, индивидуальными) д е с к р и п ц и я м и формы the so-and-so. Последние, имея значение, могут не относиться ни к какому реальному предмету. Ср. *нынешний король Франции*.

Многие денотативные фразы допускают отнесенность к разным предметам, Ср. *человек, лиса, цветок*. Знаки этого типа являются н е о п р е д е л е н н ы м и д е с к р и п ц и я м и. Они имеют форму a so-and-so.

Основным в своей теории денотации Рассел считает принцип неполнозначности дескрипций, позволяющий отличить их от собственных имен. Денотативные фразы, по Расселу, представляют собой неполные символы. Они никогда не имеют значения сами по себе, но каждая пропозиция, в словесное выражение которой они входят, наделена значением². Это положение Рассел иллюстрирует следующим примером. В предложении I met a man 'Я встретил человека' имеется в виду встреча с определенным лицом, но утверждается иное. Это предложение включает концепт, соответствующий неопределенной дескрипции 'человек'. Даже если бы предложение включало имя, лишенное референта или вовсе неспособное его иметь, например, речь шла бы о встрече не с человеком, а с единорогом, то и такое высказывание сохраняло бы осмысленность и понятность для носителей языка. Поскольку предложение *Я встретил единорога* значимо, хотя и ложно, пишет Рассел, очевидно, что пропозиция, при правильном ее анализе, не содержит в качестве своего конституента указания на предмет, соответствующий «единорогу», а лишь

² B. Russell. On denoting, стр. 43.

выражаемый этим словом концепт³. Имя, поэтому, входит в пропозицию не как символ (субститут) конкретного предмета.

Из сказанного следует, полагает Рассел, что предложения *Я встретил Джонса* и *Я остретил (одного) человека*, хотя и сходны по своему грамматическому строению, имеют различную логическую структуру вследствие того, что имя *Джонс* является полным символом, замещающим конкретный объект, а имя *человек* принадлежит к категории неполных символов. Первое из приведенных выше высказываний называет определенное лицо, второе включает пропозициональную функцию и должно прочитываться следующим образом: «*I met x, and x is human*» не всегда ложно (по крайней мере один раз истинно). Если предикат 'встретил' обозначить символом *C*, то предложению можно придать следующую логическую запись «*C(x), and x is human*» не всегда ложно». Неопределенная дескрипция *a man* тем самым утрачивает самостоятельное, независимое от пропозиции значение. Таким образом, пропозиция, утверждающая, что *a so-and-so*, или *Sx*, обладает свойством *A*, не имеет формы *Ax*. Если бы это было так, то *a so-and-so* (неопределенная дескрипция) идентифицировалось бы с *x* (денотатом дескрипции), что явно неверно в случае нереферентных дескрипций. Утверждение типа «предмет, имеющий свойство *C*, наделен свойством *A*» означает: «конъюнкция утверждений *Sx* и *Ax* не всегда ложна»⁴.

Тем самым вопрос о нереферентном употреблении имен был сведен к вопросу об истинностном значении предиката (пропозициональной функции), т. е. об истинном или ложном употреблении концепта, соответствующего неопределенной дескрипции.

В логической записи денотативные выражения раздваиваются: денотат обозначается переменной, а их смысл выносится по отношению к денотату в предикативную позицию, участвуя тем самым в формировании общего содержания высказывания.

Определенные дескрипции отличаются от неопределенных только импликацией единичности референта. Природа определенных дескрипций двойственна. Это одновре-

³ *B. Russell. Introduction...* стр. 168.

⁴ Там же, стр. 171.

менно и символы и индексы (по Пирсу). Их иногда так и называют индексальными символами (indexical symbols). Они имеют смысл и вместе с тем, подобно собственным именам, относятся только к одному предмету. Напомним, что Ш. Балли с полным основанием называл такого рода выражения речевыми именами собственными.

Многие определенные дескрипции самим своим смыслом предполагают уникальность референта. Говоря, например, *отец Карла II*, мы не только утверждаем, что x имеет определенное отношение к Карлу II, но и что ничто другое не находится к Карлу II в таком же отношении. Иначе говоря, «если y не тождественен x , y не отец Карла II» и «если y отец Карла II, то y тождественен x »⁵. Определенные дескрипции обозначаются формулой ($1x$) (qx), которая прочитывается как «единственный x , обладающий свойством q ». Входящий в приведенную формулу символ 1 называется йота-оператором, или оператором дескрипции.

Итак, суть теории дескрипций Рассела состоит в выделении из денотативных фраз значения, которое предиктируется к переменной (ср. *человек* = x and x is human). Это позволяет удалить дескрипции из именных позиций (прежде всего из позиции субъекта), заменив их переменными. Так, утверждение *Автор „Ваверлея“ — человек* должно прочитываться следующим образом: «Один и только один объект написал „Ваверлея“, и этот объект принадлежал к роду человеческому (One and only one entity wrote Waverley and that one was a man)»⁶.

Теперь видно, замечает Рассел, что денотативная фраза *автор «Ваверлея»* лишена значения, так как в полном логическом выражении пропозиции она уже не фигурирует.

Рассел считает, что предложенная им теория избегает ряд трудностей, возникающих в связи со взглядом на денотативные выражения как на истинные конституенты пропозиции, замещающие соответствующие объекты. Эти трудности касаются интерпретации предложений с нереперентными именами в своем составе. Решение Рассела позволяет, кроме того, избежать ряд парадоксов (парадокс взаимозаменяемости, парадокс суждений о несуществовании).

⁵ B. Russell. On denoting, стр. 44—45.

⁶ B. Russell. Introduction..., стр. 177.

Остановимся более подробно на вопросе о предложениях с нереферентной дескрипцией в функции субъекта. Напомним, что Рассел проводит принципиальные различия между собственными именами и определенными дескрипциями. Только первые, по Расселу, могут встречаться в качестве субъекта предложений, обладающих субъектно-предикатной формой. Логически собственные имена незначимы до тех пор, пока нет единичного предмета, который они замещают в предложении, поскольку их значение и есть тот предмет, к которому они отнесены.

Между тем определенная дескрипция, не относящаяся ни к какому предмету, не теряет от этого способности к употреблению.

Если субъектом предложения является определенная дескрипция, а не имя собственное, то логический анализ предложения не может быть ограничен одной пропозицией. Так, предложение *Автор „Ваверлея“ был шотландцем* должно логически анализироваться как конъюнкция из трех пропозиций: 1) по крайней мере один человек написал „Ваверлея“ (утверждение о существовании референта дескрипции); 2) только один человек написал „Ваверлея“ (утверждение единичности референта дескрипции); 3) кто бы ни был автором „Ваверлея“, он был шотландцем (утверждение тождества).¹

Это положение дает ключ к решению проблемы логического содержания предложений с нереферентным субъектом. Грамматическая структура предложений типа *Король Франции лыс* не соответствует их логической структуре. Прежде чем обсуждать вопрос об их содержании, следует придать им логически правильную форму.

Рассел представляет содержание предложения *Король Франции лыс* в виде конъюнкции из трех пропозиций: 1) существует король Франции; 2) есть только один король Франции; 3) нет никого, кто бы был королем Франции и не был бы лыс. Как говорилось, Рассел расчленял предложения с субъектом-дескрипцией на экзистенциальную пропозицию, пропозицию единичности предмета и пропозицию субъектно-предикатного типа, утверждающую наличие в индивидуе некоторого свойства. Рассел полагал, таким образом, что определенная дескрипция скрывает за собой истинную пропозицию о существовании и единичности предмета (a true uniquely existential proposition). Если одна из пропозиций, составляющих

смысл приведенного предложения, ложна, то и все предложение, по мнению Рассела, следует признать ложным.

Решение Рассела было оспорено Стросоном⁷ уже с позиций Оксфордской школы, учитывающей в оценке логического содержания высказывания прагматический фактор и отличающей предложения от употребления предложений разными лицами с разными коммуникативными намерениями. П. Стросон, в отличие от Рассела и других представителей логического анализа, считал, что значение есть функция предложения как типа, а истинность и референция есть функции употребления данного типа. Вопрос о наличии у предложения значения решается безотносительно к его употреблению и не имеет ничего общего с проблемой истинности предложения⁸.

Четко разделяя значение и употребление предложения, Стросон вместе с тем подчеркнул и различие между ложными и бессмысленными предложениями (см. подробнее в гл. II «Закономерности формирования семантической структуры предложения»). Рассел, по мнению Стросона, смешал выражение и употребление в выражении, т. е. значение и референцию, полагая, что значение выражений и есть тот конкретный предмет, который они называют.

Предложение, подчеркнул Стросон, получает истинностное значение, только если оно сказано о чем-либо. Если оно не относится ни к чему, то имеет место псевдоупотребление, при котором предложение вообще лишено истинностного значения. За фразой *Король Франции мудр*, — пишет Стросон, — не может последовать реакция опровержения (например, реплика *Это неправда*). На прямой вопрос *Так ли это?*, адресат вероятнее всего ответит указанием на неуместность самого вопроса. Всякое предложение, замечает Стросон, имплицитно предполагает существование лица или предмета, названного или обозначенного его субъектом. Однако это импликация особого рода, отличная от импликации, лежащей в основе логического вывода. Различие состоит в том, что презумпция существования некоторого индивида и его уникальности не входит в сообщаемое, т. е. не составляет части коммуникативно значимой информа-

⁷ P. F. Strawson. On referring. «Philosophy and ordinary language» Ed. by Ch. E. Caton. Urbana, 1963.

⁸ P. F. Strawson. Указ. соч., стр. 171.

ции предложения. Отсюда вытекает следующая важная характеристика референции: «Референция не то же, что утверждение, хотя к ней прибегают с целью перейти от нее к утверждению» («To refer is not to assert though you refer in order to go on to assert») ⁹.

Итак, область референции противостоит утверждаемому, коммуникативно значимому содержанию высказывания ¹⁰. Ошибка Рассела, по мнению Стросона, состояла в том, что он не разграничил эти области семантической структуры предложения, поставив в один ряд ассертивное содержание высказывания с экзистенциальным суждением и утверждением единичности предмета. П. Стросон опирался здесь на мысль, высказывавшуюся уже ранее Г. Фреге. Идея Г. Фреге состояла в следующем. Суждение *Кеплер умер в нищете* основывается на предпосылке (*Voraussetzung*), что имя *Кеплер* обозначает некоторый денотат. Эта предпосылка не входит, однако, в смысл высказывания. «То, что имя *Кеплер* обозначает нечто, — пишет Фреге, — образует предпосылку как для утверждения *Кеплер умер в нищете*, так и для отрицания этого факта» ¹¹. Если бы предложение *Кеплер умер в нищете* включало в свое значение мысль о том, что имя *Кеплер* обозначает некоторый предмет, то его отрицательная форма имела бы не вид *Кеплер не умер в нищете*, а прочитывалась бы как *Кеплер не умер в нищете, или имя 'Кеплер' не имеет референта*. В языке встречаются выражения, замечает Фреге, предвосхищая изложенные выше идеи Рассела, которые не обозначают никакого предмета, хотя их грамматическая форма как будто свидетельствует об их референтности. Для того, чтобы они стали референтными, необходимо, чтобы предварительно была установлена истинность другого суждения. Так, наличие референта у выражения *тот, кто открыл эллипсоидную форму орбиты движения планет* зависит от истинности предложения

⁹ P. F. Strawson. Указ. соч. стр. 179.

¹⁰ Позднее, критикуя Рассела с тех же позиций, Дж. Сирль заметил, что если бы он нанес пощечину X'у, никто не стал бы думать, что она адекватна утверждению о существовании X'а, хотя несомненно, что существование X'а необходимо как для «успешной» пощечины, так и для успешной референции (*J. Searle. Speech acts. Cambridge, 1969, стр. 160*).

¹¹ G. Frege. On sense and reference. «Translations from the philosophical writings of Gottlob Frege». Oxford, 1952, стр. 69.

Был некто, кто открыл эллипсоидную форму орбиты планет.

Позднее стало принято говорить о пресуппозициях сообщения (этот термин был использован при переводе нем. *Voraussetzung* 'предпосылка' на английский язык), в частности экзистенциальной пресуппозиции и пресуппозиции единичности. Таким образом, обсуждение истинностного значения предложений с нереферентным субъектом имело своим следствием формирование важного для понимания семантической структуры предложения понятия пресуппозиций сообщения¹². Различение двух областей значения предложения привело Стросона к мысли о необходимости формулирования двух типов правил, необходимых говорящему для того, чтобы построить корректное высказывание: 1) правил референции и 2) правил предикации (*rules for attributing and ascribing*). Правила первого типа связаны с вопросом «О чем вы говорите?», правила второго типа должны помочь ответить на вопрос «Что вы говорите об этом?»

Итак, Стросон обратил свою критику против следующих двух положений Б. Рассела. Б. Рассел, по его мнению, ошибочно полагает, что утверждение «Нынешний король Франции мудр» и утверждение «Одно и только одно лицо является в настоящее время королем Франции» находятся в отношениях логического вывода. Рассел неправ также, думая, что делая первое утверждение, говорящий одновременно утверждает и вторую пропозицию¹³. Разногласие Рассела и Стросона сводится к вопросу о том, следует ли связывать значение истинности с пропозицией или утверждением пропозиции (*statement*). Выделение в содержании высказывания области пресуппозиций и области утверждаемого, предложенное Стросоном, представляет собой шаг к созданию логики утверждений и установлению разных типов логических отношений между предложениями обыденного языка, идея, которая нашла более полное выражение в работах Дж. Остина (см. в гл. I).

Таким образом, если Рассел, стоя на позициях философии анализа, изучал и оценивал определенный класс пропозиций, то Стросон, принявший исходные положе-

¹² Подробнее см.: *Н. Д. Арутюнова*. Понятие пресуппозиции в лингвистике. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1973, № 1.

¹³ Анализ контроверзы Стросон — Рассел. см.: *L. Linsky*, *Refering*. N. Y., 1967, стр. 85—100.

ния философии обыденного языка, направил основное внимание на употребление предложений в разных коммуникативных целях. Взгляды Рассела и Стросона, поэтому, не являются взаимоисключающими.

То направление логико-философской мысли, которое видело в предложении прежде всего имя события, признавая существенными для оценки его логического содержания только два фактора — действительность и то, как она отражена в предложении, считало ложной всякую пропозицию, не соответствующую реальности. Напротив, те ученые, которые, сосредоточив свое внимание на речевом узусе, подходили к высказыванию с учетом его речевого контекста (П. Стросон, Дж. Остин, У. Куайн, Дж. Сирль и др.), считали истинностное значение свойством предложений, удовлетворяющих нормальным условиям коммуникации. Поэтому предложения с ошибочными presuppositionами рассматривались ими как пустые (void) или образующие «истинностный пробел» (truth-value gap, по Куайну). Иногда таким предложениям приписывалось «третье» или «нулевое» истинностное значение. Оценка логического содержания предложений определялась тем, какой из его аспектов — номинативный или коммуникативный — принимался за доминанту.

Подводя итоги дискуссии, стимулированной его статьей о референции, П. Стросон отметил, что выбор позиции в этом вопросе всецело зависит от общей концепции предложения, а также от того, к какому материалу прилагается та или другая теория. П. Стросон указал, в частности, что предложения с нереферентным субъектом (темой сообщения) удобнее считать лишенными истинностного значения, в то время как предложения с нереферентным выражением в составе предиката естественнее рассматривать как ложные¹⁴. Так, например, предложение *Король Франции осмотрел выставку* можно считать пустым, а его пассивную форму *Выставка была осмотрена королем Франции* — ложным высказыванием. Для того чтобы дать логическую оценку высказывания, необходимо, следовательно, выявить его тему (субъект).

Поскольку одно и то же высказывание, в том числе и расселовское сообщение о лысом короле Франции, может

¹⁴ P. F. Strawson. Identifying reference and truth values. «Semantics». Cambridge (Mass.), 1971, стр. 98—99.

быть сказано с разными намерениями, нужна специальная методика, выявляющая коммуникативное задание высказывания. Стросон предлагает использовать с этой целью метод транспозиции высказывания в косвенную речь. Так, сообщение о лысом короле Франции может быть передано следующими способами: 'Он говорил о том, кто из знаменитых современников лыс' и 'Он говорил о том, как выглядит король Франции'. Если нереферентное выражение (т. е. *король Франции*) сохраняется при такого рода перифразировках, то оно относится к теме сообщения. В этом случае предложение следует считать беспредметным. Если же, как в первом из приведенных истолкований, нереферентное выражение оказалось устраненным из косвенной речи, то исходное предложение должно рассматриваться как ложное.

Итак, высказывание *Король Франции лыс* может, по Стросону, быть в зависимости от того, в какой связи оно было произнесено, и беспредметным (пустым), и ложным¹⁵.

Поставив логическую оценку содержания высказывания с нереферентными выражениями в своем составе в зависимость от коммуникативного задания. П. Стросон сделал шаг в направлении к прагматизации теории референции.

Тенденция к введению прагматического фактора в теорию референции с особенной яркостью проявила себя в доктринах речевой деятельности и речевого акта, разработанных в русле идей покойного профессора Дж. Остина, а также под влиянием семантических концепций Г. Грайса, внесшего понятие намерения в самое определение значения и сформулировавшего понятие «значения говорящего» (*utterer's meaning*)¹⁶. Учет прагматической стороны, т. е. переход от категорий языка к категориям речи, ведет к расщеплению многих языковых понятий на две разновидности, одна из которых определяется по отношению к говорящему, а другая по отношению к адресату сообщения, а также к распределению языковых категорий по их большей связи с автором или адресатом речевого акта (ср. *speaker's*, или *user's*, *based* и *hearer's based*

¹⁵ P. F. Strawson *Identifying reference and truth values* «Semantics», стр. 98 — 99.

¹⁶ H. P. Grice *Utterer's meaning and intention*. «Philosophical review», 1969, vol. 78, N 2, стр. 147—177.

categories). В определение всех категорий, соотносимых с говорящим, а таких, естественно, большинство, вносится понятие коммуникативного намерения. Включившись в сферу, центром которой является автор речи, референция также была интерпретирована как одно из проявлений интенции. Уместно заметить, что уже Рассел вполне определенно связал референцию именно с говорящим субъектом, назвав определенные дескрипции *egocentric particulars*.

Приводя необходимые и достаточные условия для осуществления единичной референции, Сирль называет в их числе такие, как: говорящий намерен, чтобы дескрипция идентифицировала предмет *x* для адресата сообщения (условие 5), говорящий намерен, чтобы дескрипция идентифицировала *x* для адресата речи, благодаря тому, что этот последний поймет намерение говорящего идентифицировать предмет *x*, причем автор намерен, чтобы адресат узнал его намерение, прибегнув к своим знаниям правил построения дескрипции и сведениям о контексте (условие 6)¹⁷. Условия Дж. Сирля создают бесконечный рикошет взаимных узнаваний намерений, своего рода дурную бесконечность, образуемую двумя стоящими друг против друга зеркалами. Отношение «намерение — узнавание намерения», призванное учесть экзотические ситуации речи — намеки, обиняки, мистификации, розыгрыш и пр., без нужды усложняет картину референции, поскольку момент сознательности, намеренности, целенаправленности в той же степени характеризует референцию, как и все прочие слагаемые высказывания (если оставить в стороне обмолвки и случаи маскировки подлинного намерения) и может, следовательно, быть выписан за скобки. Один из критиков теории референции Дж. Сирля отмечает, что «важная идея (*insight*) референции как интенционального акта не должна скрывать от нас не менее важный факт существования чисто языковых конвенций, которые способны взять верх (*override*) над частным намерением говорящего»¹⁸.

¹⁷ *J. Searle* Указ соч, стр 94—95 — Оба эти условия совершенно аналогичны определению «значения говорящего», сформулированному Граисом

¹⁸ *St Boer* On Searle's analysis of reference «Analysis», 1972, v 32, N 5, стр 157.

Выше отмечалось, что Б. Рассел привлек внимание логиков к определенным дескрипциям, их значению и роли в предложении. Позднее было обращено внимание на то, что выделенная Расселом категория определенных дескрипций семантически негомогенна. Логики стали различать референтное, атрибутивное и гипотетическое употребление определенных дескрипций.

При референтном употреблении дескрипция относится к предмету, известному собеседникам. Называя Людмилу *Руслановой подругой, невестой Руслана, пленницей Черномора, Руслановой супругой*, Пушкин относил все эти определенные дескрипции к своей героине, уже представленной им читателю. При референтном употреблении определенной дескрипции она дает адресату речи инструкцию для выбора из поля доступного его знанию и восприятию мира лица или предмета, о котором делается сообщение. Она является не более, чем орудием для выполнения некоторой подсобной, вспомогательной задачи. Именно в этом случае говорящий может пользоваться разными определенными дескрипциями, не внося этим изменений в значение предложения. Ср. *Отец Андрея (старший брат моей матери, начальник Ивана) уехал в командировку*. Выбор идентифицирующей дескрипции зависит от тех сведений, которыми располагает адресат речи, от ситуации речи, социальных норм и др. Непосредственный смысл определенной дескрипции не существен для содержания высказывания. Независимо от того, какую из приведенных выше перифраз мы выберем для обозначения Людмилы, сообщение о том, что она «чувствительна, скромна, любви супружеской верна, немного ветрена... так что же? еще милее тем она» сохранит истинность.

При атрибутивном употреблении определенная дескрипция относится к неизвестному объекту, существование и единичность которого имплицитно существует. Можно говорить об авторе анонимного письма, убийце Кеннеди, водителе машины, свалившейся в кювет, не будучи в состоянии идентифицировать этих лиц. Говорящий, называя их, обычно не стоит перед выбором дескрипции. Она достаточно однозначно имплицитно предикатом сообщения о событии, из которого она выводится применением йота-оператора, или оператора дескрипции.

Йота-оператор, выводя обозначение предмета из предиката, в большой степени определяет возможности разных номинаций в тексте одного лица или предмета.

Вполне естественно, что чем меньше известно говорящему и его адресату об идентифицируемой личности, тем уже круг дескрипций, которые могут быть к ней отнесены. Если известно, что было произведено ограбление банка, то «автор» этого события, откуда он не пойман и не идентифицирован, будет обозначаться как *грабитель*.

Субъект предложения, выраженный определенной дескрипцией, допускает обе интерпретации — референтную и атрибутивную, создавая неоднозначность сообщения. Так, предложение *Убийца Смита сумасшедший* может быть понято референтно, если речь идет о стоящем перед судом преступнике по имени Джонс. Определенная дескрипция может быть понята и атрибутивно, если личность преступника не была установлена и суждение о его больной психике было вынесено только на основании совершенного им преступления¹⁹.

Если определенная дескрипция была употреблена нереферентно (предположим, Смит совершил самоубийство), то при атрибутивном ее прочтении все предложение утрачивает референтность, лишается смысла (оно оказывается не о ком). Во втором случае (т. е. если дескрипция отнесена к представшему, хотя бы и по ложному обвинению, перед судом Джонсу) неверным оказывается только смысл дескрипции, предикат же предложения может оказаться истинным, если он вынесен, например, на основании данных о поведении Джонса на суде. Он сохраняет также свою отнесенность к нужному субъекту (именно Джонсу).

При атрибутивном употреблении определенной дескрипции адресат может обвинить автора в необоснованном предположении, что кто-то убил Смита, тогда как на самом деле Смит покончил с собой сам. При референтном употреблении обвинение может касаться ложного подозрения Джонса в убийстве Смита.

Хотя и атрибутивное, и референтное употребление определенной дескрипции опирается на presupпозицию существования предмета (или лица), отвечающего данной

¹⁹ K. Donnellan. Reference and definite descriptions. «Semantics», стр. 103.

дескрипции, причины, вызывающие эти пресуппозиции к жизни, различны. При референтном употреблении существует презумпция, что предмет, о котором идет речь и который известен собеседникам, наделен данным свойством. При атрибутивном употреблении имеется презумпция в совершенности акта, имплицитующего существование лица, о котором делается сообщение²⁰.

Можно было бы утверждать, что при референтном употреблении определенных дескрипций мысль говорящего движется от предмета к его описанию, а при атрибутивном употреблении дескрипции направление мысли инвертируется — мысль движется от признаков (описания) к предмету.

Представляется существенным и то обстоятельство, что референтное употребление определенной дескрипции не предполагает наличия семантической связи между значением идентифицирующей дескрипции и значением самого сообщения, т. е. предиката предложения. Идентифицирующий признак как бы случаен по отношению к предикату. Он выбирается по причинам, не зависящим от выбора предиката. Ср. *Петя (ее зять, мой лучший друг, его брат, наш сосед и пр.) сумасшедший*. При атрибутивном употреблении дескрипции такая связь обычно имеется: предикат, как правило, стимулируется тем же событием, которое дало повод для выбора идентифицирующей дескрипции. Ср. *Убийца Смита жесток (подл, негодяй, садист и пр.)*. Между этими значениями может быть установлена логическая связь. Ср. *Я утверждаю, что преступник жесток на том основании, что он убил добряка Смита*. При атрибутивном употреблении дескрипции имеется в виду предмет (лицо) не во всей совокупности его свойств, а лишь в том аспекте, который выделен дескрипцией. Такая редукция семантического объема субъекта, устанавливающая смысловую связь между субъектом и предикатом сообщения, может характеризовать также референтное употребление дескрипций. Ср. *Мои соседи не любят подходить к телефону / мыть раковину / натирать пол в коридоре и пр.; Мой начальник не любит, когда я опаздываю*.

Итак, предложение формы «The A is B» (тот, кто совершил данное действие, обладает таким-то свойством)

²⁰ К. Donnellan. Указ. соч., стр. 105—106.

допускает двойное употребление. При одном употреблении, если ничто не отвечает признаку А, то сообщение было сделано ни о чем. При другом употреблении истинностное значение предложения и его референтность сохраняются.

Поскольку в теории Рассела дефиниция определенной дескрипции покрывает как референтное, так и атрибутивное ее употребление, К. Доннеллан предложил сделать следующее терминологическое разграничение: денотацией называть отнесение к предмету речи вообще, а под референцией иметь в виду только отнесенность имени или дескрипции к конкретному, известному говорящим, предмету.

С. Куно убедительно показал на материале английского языка, что такие определенные дескрипции, как *президент США, мой учитель музыки* и пр. двуслазны: они могут относиться к определенному лицу, т. е. быть референтными, а могут и быть лишены конкретной референции, т. е. иметь атрибутивное (признаковое) значение. В английском языке это различие обнаруживает себя в выборе местоимения: при референтном употреблении они замещаются местоимением *who*, при нереферентном — *which*. Кроме того, как отмечает автор, нереферентно употребленная единичная дескрипция не может соотноситься ни с местоимением *one*, ни тем менее с личным местоимением. Она допускает замену только местоимением *it*, ср. *Johnson is the President of USA. He has been it since 1963.* Это правило верно даже для тех случаев, когда нереферентная определенная дескрипция занимает позицию субъекта, ср. *Who is your favorite teacher? It is Mr. Jones* ²¹.

Наряду с референтным и атрибутивным употреблением определенных дескрипций иногда выделяют в особый тип гипотетическую референцию. Последняя может быть проиллюстрирована следующим примером: *Если у Форсайтов будет сын, он (их сын) унаследует их состояние; Они хотят, чтобы их сын, если у них родится сын, был пианистом.* Референтность гипотетически употребленной дескрипции зависит от осуществления условия (*если у них будет сын*) ²². В логике в этом случае иногда говорят о спо-

²¹ S. Kuno. Some properties of non-referential noun phrases. «Studies in general and oriental linguistics». Tokyo, 1970, стр. 356.

²² J. Searle. Указ. соч., стр. 72—73.

способности некоторых предикатов создавать «иные миры» (world creating predicates), т. е. устанавливать некоторую воображаемую «предметную область» приложения языка. Имя, введенное таким предикатом, может в дальнейшем тексте употребляться референтно. Ср. *Я вообразил себе женитьбу Джона. Его невеста была молодой девушкой. Она была высокого роста. У нее были голубые глаза и т. д.* Выделение предикатов, фиксирующих область приложения имен, существенно для понимания закономерностей речеобразования. Так, например, если имя, вводимое глаголами *представить себе, вообразить*, условным предложением и т. п., может быть в дальнейшем тексте употреблено референтно, то такое употребление невозможно для существительных, входящих в текст в качестве дополнений предикатов желания. Ср. *Джон хотел жениться на (какой-нибудь) хорошенькой девушке. *Она была высокого роста. У нее были голубые глаза*²³.

* * *

Теперь следует коротко осветить вопросы, касающиеся механизма образования определенных дескрипций. Основное правило получения единичных термов из имен нарицательных, состоит в возможности определения имени придаточным ограничительным. В языках, располагающих артиклем, введение рестриктивного придаточного сопровождается препозицией определенного артикля. Последний сигнализирует о намерении говорящего исчерпать разряд предметов, обозначенных именной группой, и должен рассматриваться как функция ограничительного придаточного, отнесенного к имени. Ограничительное придаточное выводится из предтекста. Ср. *Вдруг я увидел на углу человека. Человек (которого я увидел на углу) был одет в пальто и шляпу. Пальто и шляпа (в которые был одет человек, которого я увидел на углу) были серого цвета.* Значение ограничительных придаточных, таким образом, объединяясь с содержанием дескрипции, служит целям поиска предмета речи. Оно, как и значение идентифицирующей дескрипции, не входит в коммуникативное содержание предложения. Это именно и отличает рестриктивные определительные предложения от нерестриктивных.

²³ S. Кипо. Указ. соч., стр. 359.

Придаточное ограничительное может реально отсутствовать, но его место при определенной дескрипции закрепляется за ним. Его не может занять никакое другое ограничительное определение. Если бы вместо рестриктивного придаточного, извлеченного из предтекста, мы бы попытались «втиснуть» иное ограничительное определение, это повело бы к нарушению связности повествования, разрыву текста²⁴. Ср. *Вдруг я увидел на углу человека. Человек, который вел на поводке фокстерьера, был одет в пальто и шляпу.* У адресата приведенных предложений возникло бы сомнение относительно тождества человека, которого увидел автор, человеку, который вел фокстерьера.

Если бы в речи не опускались самоочевидные ограничительные определения и весь их груз, растущий подобно снежному кому, сохранялся в тексте, то возникла бы ситуация, известная под названием «Дом, который построил Джек»: *Вот дом, который построил Джек | А это пшеница, которая в темном чулане хранится в доме, который построил Джек. | А это синица, которая ловко ворует пшеницу, которая в темном чулане хранится в доме, который построил Джек [...]. А это корова безрогая, лягнувшая старого пса без хвоста, который за шиворот треплет кота, который пугает и ловит синицу, которая ловко ворует пшеницу, которая в темном чулане хранится в доме, который построил Джек* (пер. С. Маршака).

Таким образом, превращение именного выражения в единичный терм, происходит с опорой на предыдущий текст, предоставляющий информацию для формирования ограничительного придаточного. Последнее всегда соотносимо с некоторым матричным предложением (mother-sentence, по Вендлеру)²⁵. Существенно отметить, что связочные сказуемые для этих целей непригодны. Ср. *Мой друг учитель. Учитель преподает русский язык.* Именная часть сказуемого не может использоваться для повторной номинации в предложении, непосредственно следующем за данным. Несоблюдение этого правила ведет к перебою в последовательности текста.

Напротив, экзистенциальные предложения предназначены именно для целей последующей идентификации.

²⁴ Z. Vendler. *Linguistics in philosophy*. Гл. 2. Singular terms. Ithaca. N. Y., 1967, стр. 53.

²⁵ Z. Vendler. Указ. соч., стр. 60.

предмета. Поскольку всякое непустое (референтное) предложение основывается на предпосылке существования предмета, о котором делается сообщение, ему, естественно, должно предшествовать высказывание бытийного типа, дающее основание для процедуры, называемой в логике «экзистенциальным извлечением» (existential extraction). Ср. *Жил-был король когда-то. При нем блоха жила. Блоха — ха — ха — ха — ха. Милей родного брата она ему была.* (Подробно см. в главе «Отношения экзистенции».)

По мнению Вендлера, подлинно идентифицирующие предложения (так он называет предложения, способные породить ограничительные придаточные) всегда могут быть сведены к бытийному высказыванию. Ср. *I see a house* → *There is a house I see*; *The dog found a bone* → *There is a bone the dog found*; *A boy had dinner with me* → *There is a boy who had dinner with me*²⁶. Определенные дескрипции, таким образом, опираются на высказывания, заключающие в себе сообщение о бытии предмета. Можно считать, что референтное употребление имени имеет в качестве своей пресуппозиции утверждение о существовании.

* * *

Гораздо более сложной оказалась логическая интерпретация неопределенных дескрипций. Приведенная концепция матричных предложений Вендлера соответствует тому, что в логике принято называть экзистенциальной трактовкой неопределенных дескрипций. Согласно этому пониманию, неопределенная дескрипция в предложениях типа *I see a man* скрывает за собой экзистенциальное утверждение о существовании некоторого лица.

В экзистенциальной версии неопределенная дескрипция лишена референции, т. е. не соотносена с предметной областью, в то время как заменяющее ее в последующем тексте анафорическое местоимение употреблено уже референтно. Ср. *Я вижу человека. Он переходит улицу.* Отмечалось, что хотя в обоих предложениях речь идет об одном и том же лице и даже имя *человек* можно считать антецедентом анафорического местоимения *он*, было бы неверно рассматривать это последнее как субститут неопре-

²⁶ Z. Vendler. Указ. соч., стр. 64.

деленной дескрипции. Местоимение заменяет единичный терм. Это подтверждается тем, что обратная замена его неопределенной дескрипцией перебила бы связность текста, создавая впечатление, что речь идет о разных предметах. Ср. *J'ai téléphoné à un plombier. Il viendra demain* и *J' ai téléphoné a un plombier. Un plombier viendra demain*²⁷.

Участие экзистенциального утверждения в предложениях, содержащих неопределенные дескрипции, поддерживается тем, что, подобно экзистенциальным предложениям вводного типа, они практически не употребляются в отрицательной форме. Отрицание исключало бы продолжение текста, т. е. противоречило бы интродуктивному характеру и предназначению такого предложения. Подобно экзистенциальным предложениям, они не стимулируют требования конкретизации в виде вопросов типа *Какой именно человек? Кого ты имеешь в виду?*, предполагающих в ответе прямую отсылку к референту. Эти основания, как кажется, свидетельствуют о близости неопределенных дескрипций к употреблению имени в экзистенциальных предложениях.

Те возражения, которые выставлялись против этой концепции, как и большинство аргументов против логики расселовского типа (ср. контрроверзу Рассел — Строн), сводятся либо к указанию на несоответствие предложенной интерпретации коммуникативной структуре предложения, либо на неучет прагматического фактора.

Так, отмечается, что экзистенциальная интерпретация предложения *Pierre a acheté des livres*, записываемого как $\exists x \text{ livre}(x) \text{ et acheter}(\text{Pierre}, x)$, придает одинаковую значимость предикату, выраженному глаголом *покупать*, и предикату, представленному нарицательным именем *книги*, т. е. неопределенной дескрипцией. Создается впечатление, что говорящий сообщает и о том, что предмет, о котором идет речь, — книги, и о том, что Пьер купил их. На самом деле в таком предложении не утверждается факт существования книг. Он составляет скорее предпосылку суждения, чем его ассертивную часть.

Таким образом, если основная мысль Рассела состояла в устранении дескрипций из числа термов путем рас-

²⁷ O. Ducrot. Les indéfinis et l'énonciation. «Langages», 1970, N 17, стр. 93.

слоения их на переменную, соответствующую денотату, и предикцируемое к ней свойство, соответствующее сигнификату имени, то последующее развитие теории дескрипций удалило смысловое содержание дескрипции из сферы предикации, отнеся его к пресуппозициям утверждения. В этом новом подходе, учитывающем коммуникативную организацию речи, следует считать существенным различие индексальной функции смысла, дающего инструкцию для отождествления предмета речи, и ассертивной функции смысла, т. е. функции сообщаемого. В первом случае смысл лишь указывает путь к референту, во втором случае в нем заключено сообщаемое. В первом случае он лишь проходной этап на пути к цели, во втором — основная цель сообщения. Выступая в этой вспомогательной функции, неопределенная дескрипция может считаться своеобразной амальгамой презентатива класса и квантора существования²⁸.

Прагматическая точка зрения на неопределенные дескрипции сводится к указанию на то, что так называемая категория неопределенности сигнализирует о различии в осведомленности собеседников: прибегая к неопределенной дескрипции, говорящий дает понять, что он имеет в виду определенный предмет, который, однако, неизвестен адресату и который, поэтому, тот не должен отождествлять ни с каким известным ему или ранее упоминавшимся предметом. Такой подход можно найти, например, в работах И. Беллерт²⁹, характеризующих тенденцией к вовлечению в логическую интерпретацию предложения прагматического аспекта речевого акта, в частности намерения говорящего. Возражая против описания неопределенных дескрипций при помощи оператора существования, И. Беллерт ссылается на то, что говорящий, произнося такое, например, предложение, как *A certain man has got married in his ninetees*, имеет в виду скорее «один определенный предмет», чем «по крайней мере один предмет».

Отказавшись от оператора существования в анализе неопределенных дескрипций, И. Беллерт вводит по ана-

²⁸ O. Ducrot. *Les indéfinis et l'énonciation*, стр. 96—97.

²⁹ I. Bellert. *On the semantic interpretation of subject-predicate relations in sentences of particular reference*. «Progress in linguistics». The Hague, 1970, стр. 20.

логии с ним оператор референции (Ref), который записывается как (Ref x) ϕ (x). Эта формула прочитывается следующим образом: «тот предмет, который имеет в виду говорящий, произнося данную неопределенную дескрипцию и к которому относится свойство ϕ »³⁰. Аргумент, выраженный неопределенной дескрипцией, получает единичное определение только через указание на намерение говорящего. Это определение, так же как и оператор существования, находится за пределами сообщаемого.

И. Беллерт отмечает, что необходимым условием употребления неопределенной дескрипции, имеющей единичную референцию, является убеждение говорящего, что его сообщение касается только одного предмета и что этот предмет обладает свойством ϕ . Намерение говорящего отнести дескрипцию только к одному конкретному предмету, Беллерт считает имплицитной «функцией единицы» (unit function) и обозначает символом Rt (предмет, который говорящий имеет в виду в момент t)³¹.

Проблема неопределенных дескрипций в значительной степени проясняется, если принять во внимание их функциональную неоднородность. С. Куно выделяет на материале английского языка следующие четыре типа референции неопределенных дескрипций: качественную, неконкретную (non-specific reference), конкретную (specific reference) и родовую (generic).

Качественная референция, или собственно отсутствие референции, характеризует неопределенные дескрипции в функции предиката, ср. He is a doctor. Родовая референция есть отнесение дескрипции к классу предметов или любому члену класса, ср. A beaver builds dams; Beavers build dams. Под конкретной референцией подразумевается отнесенность имени к определенному предмету, существующему в «предметной области» говорящего, ср. I met a doctor. He was tall and good looking. Если, употребляя имя или именную фразу, говорящий не подразумевает определенный объект, то имеет место неконкретная референция имени, ср. I want to marry a doctor³².

Перечисленные типы референции связаны с разными логическими значениями. Так, с экзистенциальным зна-

³⁰ I. Bellert. Указ. соч., стр. 20.

³¹ Там же, стр. 21.

³² S. Kuno. Указ. соч., стр. 361.

чением соотносимо только третье из перечисленных выше употреблений неопределенных дескрипций. Экзистенциальное значение может быть выделено во всех случаях такого употребления. При «специфической» референции имени предложение $I \text{ met a doctor}$ должно быть прочитано так: 'Существует доктор и я его встретил'.

Референция и проблема тождества

Если до сих пор шла речь о том аспекте референции, который имеет отношение к проблеме существования, то ниже будет затронут аспект референции, связанный с аксиомой идентичности, формулируемой следующим образом: если предикат истинен относительно данного предмета, он истинен относительно всего, что тождественно данному предмету, независимо от того, каким именем он обозначен. Приведенная посылка служит основанием для закона взаимозаменяемости тождественных величин, называемого законом Лейбница. Согласно этому закону *Eadem sunt, quae sibi mutuo substitui possunt salva veritate* 'Тождественны те величины, которые могут заменять друг друга без изменения истинностного значения предложения'.

Между тем было обращено внимание на то, что замена одного имени предмета другим именем того же предмета далеко не во всех контекстах проходит бесследно для содержания предложения. Уже Г. Фреге привлек внимание к тем случаям, когда взаимозамены имен одного денотата (лица или предмета) существенно отражаются на содержании и истинностном значении высказывания.

Ища выход из парадокса, состоящего в том, что $a = b$ столь же истинно, как и $a = a$, но отлично от него по информативному или познавательному содержанию, Г. Фреге формулирует положение, согласно которому языковые знаки, семантическая структура которых складывается из смысла и референции (*Sinn und Bedeutung*), могут совпадать по референции (т. е. относиться к одному и тому же предмету) и различаться по смыслу (значению). «Венера есть Утренняя звезда» истинно, так как оба имени совпадают по референции, но эта пропозиция отлична по содержанию от предложения «Венера есть Венера», поскольку, имея один и тот же референт, существительные *Венера* и *Утренняя звезда* различны по смыслу.

Если сочетание *Утренняя звезда* употреблено как имя собственное, то его смысл не существен для значения предложения тождества, информативность которого создается не смыслами термов, а констатацией факта идентичности объектов (подробнее см. в гл. V). Если же сочетание *утренняя звезда* употреблено лишь для указания на то, что Венера появляется на небосклоне в утренние (а не только вечерние) часы, то приведенное предложение не выражает отношений тождества.

Позднее область, в которой невозможны взаимозаменяемые идентичных имен, стала предметом специального изучения, и ее контуры обозначились более четко. Основная заслуга в этом принадлежит У. О. Куайну, который предпринял систематическое обследование так называемых косвенных, и шире интенциональных, контекстов. У. Куайн указал на три типа отклонений от принципа взаимозаменяемости идентичных термов³³.

Субституция невозможна, если имя (член равенства) употреблено автономно, т. е. фигурирует как таковое, без отнесенности к референту. Так, хотя истинно предложение тождества *Giorgione = Barbarelli*, оно не дает возможности произвести подстановку имени *Barbarelli* вместо имени *Giorgione* (увеличительное от *Giorgio*) в суждении *Giorgione was so-called because of his size* 'Джорджоне был прозван так за свой высокий рост'. В этом суждении имя *Giorgione* как бы синтезирует референтное и нереферентное (цитатное, автономное) употребление. Ср. *Giorgione was called Giorgione because of his size* 'Джорджоне называли «Джорджоне» за его большой рост'.

Другой тип не чисто референтного употребления имен может быть проиллюстрирован следующим примером. Возьмем два истинных высказывания: (1) *Филипп полагает, что Тегусигальпа находится в Никарагуа* и (2) *Тегусигальпа есть столица Гондураса*. Констатация тождества в этом втором суждении не дает возможности произвести соответствующую подстановку в первом предложении: суждение *Филипп полагает, что столица Гондураса находится в Никарагуа* ложно. В данном случае речь идет о цитации, создающей «темный» в отношении референции контекст (*referentially opaque context*). Выраже-

³³ W. Quine. From a logical point of view. N. Y., 1961, стр. 139—159.

ние «...полагает, что...», как и все прочие формулы, вводящие косвенную речь, образует непрозрачный контекст, в котором невозможна взаимозаменяемость термов, входящих в утверждение идентичности. Чтобы сделать еще более очевидным различие между референтно затемненными и референтно прозрачными контекстами, У. Куайн сравнивает предложения *Филипп не знает, что Туллий разоблачил Катилину* и *Кресс слышал, как Туллий разоблачал Катилину*. Истинное утверждение тождества *Туллий есть Цицерон* не дает оснований для подстановки имени *Цицерон* вместо имени *Туллий* в первом высказывании: утверждение *Филипп не знает, что Цицерон разоблачил Катилину* ложно. Однако, во втором случае такая субституция возможна. Предложение *Кресс слышал, как Цицерон разоблачал Катилину* сохраняет истинность, несмотря на замену одного имени другим. В отличие от первого предложения данное высказывание не создает референтной затемненности. В нем утверждается определенное отношение между тремя лицами. Это отношение не изменится от изменения наименований тех лиц, которые им связаны.

К числу референтно затемненных относятся также модальные контексты, образуемые такими выражениями, как *необходимо*, *возможно* и т. п. Это видно на примере следующих утверждений. Предположим, даны два истинных высказывания: 1) *Число планет равно 9*; 2) *Число планет, возможно, менее 7*. Если, на основе утверждения тождества, мы бы сделали подстановку одного термина вместо другого во втором высказывании, то вместо истинного суждения получили бы ложное утверждение *9, возможно, меньше 7*. Таким образом, референтная затемненность создается автономным употреблением имени, косвенной речью и модальным контекстом. Три названных фактора не позволяют производить взаимозамены тождественных по своей референции имен. Эти же контексты создают исключения из правил квантификации.⁶

Охарактеризовав отступления от закона Лейбница, Куайн принимает его в следующем виде: если дано истинное утверждение идентичности двух сущностей, то идентичные термы взаимозаменяемы в любой референтно открытой позиции в истинном суждении с сохранением значения истинности. Поскольку позиции, зависящие от интенциональных глаголов, лишены референтной открытости

(прозрачности, незатемненности), то соответствующие предложения не составляют контрпримеров к закону взаимозаменяемости идентичных сущностей в версии Куайна.

Говоря об именах, фигурирующих в неэкстенциональных контекстах, Л. Линский³⁴ сравнивал их с Янусом: одно их лицо экстенционально (или прозрачно), другое интенционально (или затемнено, по Куайну). Поэтому интенциональное предложение может быть понято двояко — в «прозрачном» и «темном» смысле. Так, предложение *Эдип хотел жениться на своей матери* может считаться истинным, если его понимать «прозрачно», т. е. видеть за именем лицо, или иначе, считать выражение *на своей матери* субститутотом собственного имени *на Иокасте*, а все предложение интерпретировать как *Эдип хотел жениться на женщине, которая фактически была его матерью*. «Темное» понимание приведенного предложения сводит его к иному логическому содержанию: «Эдип хотел сделать истинным суждение о том, что мать Эдипа есть жена Эдипа». В такой трактовке, которая относится к уровню смысла, а не референции, анализируемое предложение следует считать ложным, поскольку Эдип не знал, что Иокаста его мать.

Л. Линский обратил внимание на то, что, приняв принцип взаимозаменяемости идентичных сущностей, логики не отличили его от другого, важного для теории тождеств, принципа неразличимости идентичных величин (the principle of the indiscernability of identicals). Этот последний констатирует, что если $x = y$, то любое свойство x есть в то же время свойство y и, соответственно, наоборот. Этот принцип, однако, не имплицитует, как отмечает Линский, что x и y взаимозаменяемы в любом контексте³⁵.

Понимание положения о неразличимости идентичных сущностей в смысле их взаимозаменяемости было характерно, в частности, для Рассела, который эксплицитно выводил второй из названных принципов из первого.

Некоторые из недоразумений (скорее, чем парадоксов) референции связаны с тем, что определенные дескрипции, употребленные в связочных предложениях, трактовались логиками как референтные выражения. Поэтому такие предложения, как «Вальтер Скотт есть автор

³⁴ L. Linsky. Указ. соч., стр. 74—75.

³⁵ Там же, стр. 79.

„Ваверлея“), понимались только как утверждения идентичности, т. е. тождества некоторого лица самому себе, а не как утверждения отношения, существующего между двумя референтными именами — Скоттом и «Ваверлеем» (см. выше об атрибутивном значении определенных дескрипций).

Для последующего изложения существенно различать по крайней мере следующие виды референции: 1) отнесение имени к признакам класса (*Этот предмет — карандаш*); 2) отнесение имени к любому члену класса (*Дай мне карандаш*); 3) отнесение имени к объекту, известному говорящему, но не знакомому адресату (*Вчера я встретил одного приятеля*); 4) отнесение имени к единичному, но не идентифицированному предмету (*Вчера было совершено ограбление банка. Грабитель не пойман*); 5) отнесение имени к идентифицированному объекту (*Петя женился на Вере*); 6) отнесение имени к целиком взятому классу объектов (*Люди смертны*). Перечисленные типы референции различаются между собой по той роли, которую играет в них смысл имени.